

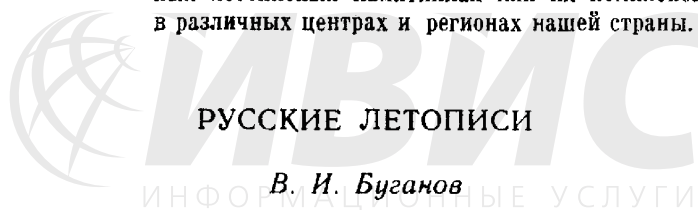

ПО СТРАНИЦАМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Редакция журнала «Вопросы истории» начинает публикацию серии очерков об отечественном летописании.

Изучение русского летописания — особое направление в отечественной историографии, источниковедении и археографии. Его история насыщена волнующими событиями, великими достижениями и невозполнимыми утратами. Новая серия «По страницам отечественного летописания» открывается очерком о русских летописях. Затем последуют материалы об отдельных летописных памятниках или их комплексах, возникших в различных центрах и регионах нашей страны.

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ

В. И. Буганов

Мировая история культуры знает не столь много примеров такого длительного бытования письменных памятников, как это имело место с русскими летописями. Возникнув на грани X и XI столетий, они как произведения исторической мысли и своеобразный жанр литературы дожили до начала петровского времени. Даже в XVIII в., когда на смену летописям пришли другие виды исторических и литературных произведений, этот жанр не был окончательно забыт: то в Белоруссии и Литве, то на Урале и в Сибири составляются памятники в форме летописей или летописных повестей. А летописи церковноприходские, городские появлялись вплоть до начала XX века. Причины популярности летописей, уважения к тем, кто их писал и составлял (летописцам, «писателям», летописателям), будут понятны, если иметь в виду, с одной стороны, относительную простоту ведения летописи, в которую последовательно вносились записи о событиях, случившихся «в лето...» такое-то и т. д., с другой — возможность, в случае необходимости, создания все более обширных по объему и сложных по составу произведений, являвшихся, по существу, компиляциями предшествующих летописей, различных повестей, сказаний, устных рассказов, преданий.

Ученые (например, И. И. Срезневский в XIX в., Б. Д. Греков в 1930 — 1940-е годы и др.) утверждали, что первые записи летописного характера, краткие и отрывочные, начали вести на Руси еще в IX в., т. е. с появлением государства, власти князей, которые были заинтересованы в фиксации того, что происходило в правление их самих или их предшественников. Позднее возникли собственно летописи, которые велись более или менее регулярно в форме погодных записей. Следующий этап отмечен составлением летописных сводов — компиляций: в них «сводили» воедино две или более (полностью либо в отрывках) летописи, а также другие источники — повести, сказания, хронографы, жития святых. Постепенно состав сводов все более усложнялся; соединяли друг с другом в разных

сочетаниях и объемах сами своды. В итоге нередко получались большие, подчас огромные компиляции. Вот один из примеров: Никоновская летопись XVI в. занимает в серии «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ) пять обширных томов¹.

Широко известны высокие оценки, которые давали летописям ученые и писатели. Восторгался ими А. С. Пушкин, создавший образ летописца Пимена, который, «добру и злу внимая равнодушно», описывает все, что видел на своем долгом веку: времена Ивана Грозного, Федора Ивановича и его шурина Бориса Годунова. Поэтический образ бесстрастного летописателя, чуждого мирской суеты, был, конечно, далек от действительности. Отечественные ученые со времен В. Н. Татищева отмечали тенденциозность летописцев в освещении событий, особенно тех, свидетелями или участниками которых им приходилось быть. Да и в рассказы о временах отдаленных нередко врывались политические предубеждения и пристрастия. Видный исследователь отечественного летописания А. А. Шахматов отмечал, что рукой летописца водили политические страсти и мирские интересы.

М. Н. Тихомиров говорил о русских летописях: «Подобных произведений, распространенных в столь большом количестве, не имеет, пожалуй, ни одна страна в мире»². В течение многих столетий были составлены тысячи летописных текстов. Но сохранилось, к сожалению, немного. Виной тому — нашествия, пожары и другие причины. Об этом гласят сами летописи.

...Осень 1242 года. Огромное войско Батыя осаждает Киев. Степняки, разбив Десятинную церковь осадными машинами, не пощадили ни людей, ни рукописей. Быть может, в огне пожара сгорели списки Повести временных лет, Слова о полку Игореве и многое другое, нам неизвестное, равное этим жемчужинам культуры Древней Руси. То же повторялось и в иных местах во время батыева и других нашествий (Тохтамыш 1382 г., Девлет-Гирея 1571 г.). Огромные опустошения приносили пожары Москвы, например, 1626 г., 1812 г. и др. Большое число рукописей погибло безвозвратно.

Несмотря на потери, продажи и хищения рукописей, нередко оказывавшихся затем за рубежом, списки летописей, которые начали разыскивать и издавать со второй половины XVIII в., к концу следующего столетия исчислялись примерно двумя сотнями, а в наше время — более чем двумя тысячами. Усилия А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова и других ученых дали хорошие результаты. Да и сейчас новые находки летописных текстов в хранилищах нашей страны и за рубежом вселяют уверенность, что изучение и издание русских летописей внесет в науку еще немало нового.

Летописи — источник, дающий сведения о прошлом не только восточного славянства и древнерусского народа, но и о многих других племенах и народах нашей страны, об окрестных государствах Запада и Востока. В них включены памятники нелетописного типа. Это и знаменитые договоры Руси с Византией 907, 911 и 944 г., и Русская правда — кодекс, разные редакции которого были составлены в XI—XIII вв., и многочисленные грамоты русских князей и царей, посольские и разрядные документы, повести и сказания. Среди последних — повести об ослеплении Василька (конец XI в.), о нашествии Батыя на Русь, Куликовской битве, «стоянии на Угре», десятки других. Летописные своды XV—XVII вв. заполнены различными повестями и сказаниями, часть которых имеет гражданский характер. Летописи — памятники древнерусской литературы, отмеченные печатью высокого мастерства. Во многих случаях тексты летописей, включенных в них повестей и сказаний поражают своей художественной силой. Таковы летописные повести о первых киевских князьях IX—X вв., об усобицах XII—XV вв., о походе Игоря Святославича в 1185 г. на половцев, Куликовской битве и др.

Летописи внимательно изучали Ломоносов и Карамзин, Пушкин и Гоголь. Страницы летописей, вкрапленные в них повести, устные предания и легенды читаются как художественные произведения. Красочный, сочный язык, обилие народных пословиц и поговорок, прямой речи и диалогов, неожиданные обороты, своеобраз-

¹ ПСРЛ. Тт. 9—13. М. 1965.

² Тихомиров М. Н. Русское летописание. М. 1979, с. 8.

ная манера изложения, нередкие обращения летописца к читателю, которого он наставляет или у которого просит снисхождения, блестящие мудрости и остроумия, литературный вкус и такт — все это не может оставить равнодушным читателя, обогащает, а нередко и потрясает его. Русские летописи дают неисчерпаемый материал для специалистов по истории, литературоведению, лингвистике, фольклористике с их «дочерними» научными дисциплинами. Находят в них сведения и те, кто занимается историей государства и права, медициной, астрономией и другими отраслями знаний.

Нередко, когда заходит речь о летописях и об исторической мысли Древней Руси, России конца XV—XVII в., имеют в виду историографию, т. е. историю исторической науки. Это в целом верно, поскольку развитие представлений о прошлом своего народа, начиная с самых ранних этапов и вплоть до современного состояния, входит в историю истории. Но при этом, конечно, нельзя забывать того, что превращение исторических знаний в науку происходит в России только в XVIII столетии. Именно тогда появляется у нас историческая наука. И в то же время не будет ошибкой называть Нестора не только летописцем, но и историком Древней Руси, как и его предшественников (Никон и Иоанн — составители сводов 1073 г. и 1093—1095 гг.), известных и неизвестных авторов и составителей, редакторов и вдохновителей сводов XVI—XVII вв. (Иван Грозный, Алексей Адашев, митрополит Макарий, Иосиф — келейник первого русского патриарха Иова, патриарх Филарет, «канцлер» В. В. Голицын и др.). Все они действительно выступали в роли историков; в их сводах есть зачатки приемов исторического повествования, даже критики источников, их сопоставления, описание внешних особенностей документов.

В. Н. Татищев, могучая фигура которого стоит у истоков отечественной исторической науки, был одним из зачинателей изучения летописей. В его «Истории Российской» имеются не только многочисленные данные из летописей, выписки из них, но и первая их классификация, попытка анализа их текстов (выделение народных сказаний и преданий, поздних наслоений и пр.), критика показаний летописцев (историческая правда, с одной стороны; баснословие — с другой), характеристики приемов их работы и др. В труде Татищева сохранились выдержки из летописей, не дошедших до нас. Это дает возможность привлечь его данные для изучения древнерусского летописания. После Татищева о летописях писали или использовали их сведения в своих трудах едва ли не все крупные историки второй половины XVIII в. (М. М. Щербатов, А.-Л. Шлецер и др.), первой половины XIX в. (Н. М. Карамзин, П. М. Строев и др.), второй половины XIX — начала XX в. (С. М. Соловьев, М. П. Погодин, И. Д. Беляев, И. И. Срезневский, Е. Н. Бестужев-Рюмин, В. О. Ключевский, А. А. Шахматов и др.).

А. А. Шахматов произвел переворот в науке о летописях, подвергнув анализу не отдельные списки или группы списков, а все летописные тексты, известные в его время, в том числе открытые им самим. Изучив списки XIV—XVI вв., а в ряде случаев и XVII—XVIII вв., он показал, что летописные своды, в них сохранившиеся, — это не механически соединенные комплексы разнородных материалов (как полагали некоторые ученые XVIII—XIX вв.), а результат целеустремленной деятельности авторов, составителей и редакторов, которые преследовали определенные политические цели. Они отражали интересы феодальных центров, где работали по заказам светских или церковных властей. В поздних сводах Шахматов выявил более ранние своды XI—XIII вв. и установил, тоже впервые, существование сводов XIV—XVII веков. В ряде случаев ученый предложил опыты смелых реконструкций несохранившихся сводов (например, киевских сводов 1037—1039 гг., 1073 г., 1093—1095 гг., новгородского свода 1050 г. и др.), предсказал существование некоторых сводов (Московского свода 1479 г., списки которого впоследствии находили сам Шахматов и Тихомиров)³.

³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908; его же. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг. 1916; его же. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.-Л. 1938, и др.; ПСРЛ. Т. 25. М. 1959.

В результате была создана схема развития русского летописания на всем протяжении его существования. Работу Шахматова продолжили М. Д. Приселксов, А. Е. Пресняков, в 40—70-е годы нашего столетия — М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, А. Н. Насонов, А. А. Зимин, К. Н. Сербина. Картина развития русского летописания стала обширнее, богаче, рельефнее. Труды ряда поколений источниковедов, лингвистов, литературоведов дали хорошие результаты⁴.

В литературе о летописях давно отмечалось, что в начале некоторых крупных сводов помещен сходный текст Повести временных лет (ПВЛ). В первую очередь это относится к Лаврентьевской и Ипатьевской летописям.

Первая отразила летописания владимирское (своды 1177, 1193, 1212 гг.), южнорусское (своды Переяславля-Южного, использованные в первых двух владимирских сводах), ростовское (своды 1239, 1263, 1281 гг.), тверское (свод 1305 г., в который через ростовские своды вошли тексты владимирских и южнорусских; составитель-тверич использовал также смоленские, новгородские и рязанские записи). Повесть временных лет вошла в Лаврентьевскую из епископского и княжеского сводов Переяславля-Южного в редакциях Сильвестра 1116 г. и князя Мстислава Владимировича 1118 г.; первый из них был епископом в этом городе, второй княжил в нем. Свод 1305 г. переписал монах Лаврентий в 1377 г. для суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, тестя великого князя московского Дмитрия Ивановича. По имени монаха-переписчика летопись и получила свое название. К Лаврентьевской летописи близки Троицкая (сгоревшая в 1812 г.; сохранились выписки из нее у Карамзина и часть вариантов к Лаврентьевской, подготовленных в 1804—1810 гг. для первого издания текста последней), Радзивилловская (Кёнигсбергская), Симеоновская, отразившие владимирскую летописную традицию. Это дает возможность восполнить по ним пропуски в Лаврентьевской.

Ипатьевская летопись названа по месту хранения в костромском Ипатьевском монастыре ее списка, который относится к началу XV в.; другой ее список, Хлебниковский, датируется XVI столетием. Эта летопись отразила южнорусскую летописную традицию. Первая ее часть — это ПВЛ, доведенная до 1117 г. (третья редакция князя Мстислава 1118 г.); вторая часть, текст за 1118—1199 гг., — это свод 1200 г., составленный в киевском Выдубицком монастыре и включивший летописи киевские (князя Рюрика Ростиславича и др., Киево-Печерского монастыря), черниговскую (князя Игоря Святославича), переяславскую (князя Владимира Глебовича), галицко-волынскую. Третья часть, с 1201 по 1292 г., — это в основном галицко-волынская летопись с добавлением ростово-суздальских и, возможно, пинских известий. В целом Ипатьевская летопись — южнорусский свод конца XIII века.

В XIX столетии специалисты отметили, что особую редакцию по сравнению с Лаврентьевской и Ипатьевской имеет Новгородская первая летопись (НПЛ). Она сохранилась в двух изводах (редакциях). Старший представлен Синодальным списком XIII—XIV вв., не имеющим начала; первые записи относятся к 1016 г., доведен он до 1333 г., существуют приписки за 1337, 1345 и 1352 годы. Этот список отразил, согласно наблюдениям Шахматова и Лихачева, летописание киевское (в начальной части) и новгородское. Младший извод сохранился в двух списках XV в. и одном XVIII в.; он отразил новгородский свод, доведенный до 1432 г., составлен на основе Синодального списка, с которым сходен текстологически (но имеет отсутствующее в Синодальном начало до 1016 г.), и Софийской летописи, дополнен записями до 1446 года. К новгородским летописям близок Устюжский свод; в начальную его часть включены древние Чтения, на что обратили внимание Тихомиров, Сербина и др.

Эти три ветви летописания — южнорусское, новгородское и владимирское — получили продолжение в ряде сводов XV—XVII вв., тексты которых тоже привлекают для изучения раннего русского летописания. Взаимодействие в поздних сводах многих летописных традиций создает сложное их переплетение, неструктурную мозаику.

⁴ См. подробнее: Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М. 1975.

ку, разобраться в которой даже при помощи «путеводителей» — трудов ученых, изучавших летописание, не так-то легко. К перечисленным источникам нужно добавить хронографы разных времен и редакций (от XI до XVII в.), выписки Татищева и Карамзина, многие нелетописные источники — Киево-Печерский патерик, повести и сказания, «слова» и «поучения» и др.

С самого своего возникновения летописи были памятником, отражавшим интересы и идеологию правящих кругов, — класса феодалов. В них прославляются деяния князей и приближенных к ним бояр, описываются их походы, события семейной жизни и пр. Лишь в исключительных случаях на страницах летописей можно прочитать о простых людях, услышать их «голос» (например, при описании вражеских нападений на города Древней Руси, народных восстаний). Авторы и составители летописей, как правило, — выходцы из тех же феодальных кругов. Они свысока смотрят на «чернь», простолюдинов, с неодобрением или открытой ненавистью сообщают об их неподчинении властям, «мятежах».

Главные вехи русского летописания совпадают с этапами развития государственности на Руси. Летописи отражают особенности социально-политической жизни Древнерусского государства, русских земель в эпоху феодальной раздробленности, России времени образования и развития централизованного государства. Поскольку русские люди активно участвовали в защите отечества от иноземных захватчиков, примечательной особенностью летописей является их патриотический характер. Описание борьбы со степняками (печенеги, половцы и др.) в X—XII вв., немецкими рыцарями и шведскими захватчиками, Золотой Ордой в XIII—XV вв., польско-литовскими и шведскими феодалами, ливонскими рыцарями, Крымским и другими ханствами в XVI—XVII вв. исполнено высоким патриотизмом, гордостью за русское оружие, трагической скорбью по поводу поражений и неудач, раздумьями о судьбах родины, верой в ее будущее.

ПВЛ, свод начала XII в., олицетворяет лучшие качества русских летописей. Его текст, как отмечают исследователи, не мог быть написан одним человеком. Многие события XI в. датированы в нем с точностью до месяца и дня: битва на Немиге (3 марта 1067 г.), поражение Всеволода Ярославича от половцев (2 февраля 1061 г.) и др. Автор начала XII в. не мог столь точно датировать события, отстоявшие от него на полстолетия и более. При чтении ПВЛ бросаются в глаза вставки, разрывающие в ряде случаев ткань повествования. Так, под 946 г. в ней говорится о мести княгини Ольги за убийство ее мужа, великого князя киевского Игоря древлянами; в рассказе о третьей мести после фразы «и победиша деревляны» текст прерывается рассказом о четвертой мести, и только после него идут слова «възложиша на ня (них.— В. Б.) дань тяжку», которые прямо продолжают прерванный текст «и победиша деревляны». В рассказ под 971 г. между словами князя Святослава: «Поиду в Русь (с Дуная.— В. Б.), приведу боле дружины» и летописца: «Поиде в лодях к порогом», которые тоже составляют единый текст, помещены записи о заключении им мира с Византией и текст договора. Между тем в начальной части НПЛ, в целом дающей сходный текст, указанные вставки отсутствуют.

Обративший на это внимание Шахматов выявил также, что в НПЛ нет вообще договоров с греками, выписок из греческих хроник и др. Эти и иные данные позволили ему сделать вывод, что до ПВЛ существовал другой свод. Он назвал его Начальным; составили его в 1093—1095 гг., после опустошительного половецкого набега 1093 г. на Русь. Во вступлении к нему летописец (из монахов Киево-Печерского монастыря) обличал князей и дружинников, своих современников, за «несытство», алчность, противопоставляя им древних князей и воинов, которые добывали богатство в походах, приносили славу Руси; теперь же «господь казнит ее за грехи и неправедные деяния корыстолюбцев».

Наблюдения Шахматова по поводу свода 1093—1095 гг. до сих пор поражают тонкостью анализа, проникновением в глубины пластов летописного текста. Но это, как оказалось, еще не все. Выше уже говорилось о точной датировке событий 1060-х годов в Киеве (записи за 1061—1063 гг.), затем в Тмутаракани (1064—1066 гг.) и снова в Киеве (1067 г. и далее). Ученый обратил внимание на рассказ Жития Феодосия (памятник конца XI в., повествующий о жизни и деяниях одного

из основателей Киево-Печерского монастыря) о монахе той же обители Никоне Великом. Последний, спасаясь от гнева великого князя киевского Изяслава, сына Ярослава Мудрого, бежал в феврале 1061 г. из Киева в Тмутаракань, пробыл там до 1066 г., затем по просьбе ее жителей отправился в Чернигов просить на княжеский стол в Тмутаракань Глеба Святославича — сына черниговского князя Святослава, другого сына Ярослава Мудрого. Возвратившись в Киев, Никон жил там до 1073 г., когда опять вынужден был перебраться на Черноморское побережье. Все эти перипетии нашли отражение в датировке и описании событий 60 — начала 70-х годов XI века. По заключению Шахматова, Никон является составителем еще одного свода, законченного примерно в 1073 году.

Но оказалось, что и свод Никона тоже не был первым. Шахматов обратил внимание на то, что под 1037 г. помещены подробные записи о строительной деятельности Ярослава Мудрого и похвала ему, в то время как последующие записи очень кратки и отрывочны. К 1037—1039 гг., когда на Русь прибыл митрополит-грек Феопемпт, ученый отнес составление древнейшего Киевского свода. Итак, в XI в., по мнению Шахматова, которое поддержали многие его последователи, появились три свода: 30-х, 70-х, 90-х годов. Каждый последующий использовал предыдущий (предыдущие). Вырисовалась довольно сложная картина развития летописного дела на самом раннем этапе. Правда, не все приняли выводы Шахматова. В. М. Истрин считал, что во второй половине 1050-х годов появилась первая редакция ПВЛ, основанная на византийских хрониках. По мнению Н. К. Никольского, русское летописание началось с Повести о полянах-руси начала XI века⁵. Лихачев полагает таковым сказание о начале христианства на Руси, составленное в первой половине 1040-х годов⁶.

Предложили свои коррективы к схеме Шахматова и другие ученые. Тихомиров, развивая догадки и положения, выдвинутые в трудах Срезневского и Никольского, считал «недостаточно доказанным» существование древнейшего свода 1037 года⁷. Он же обосновывал мнение о составлении в начале XI в. Повести о начале Русской земли и Сказания о русских князьях X в., которое является «первым русским историко-графическим произведением, притом отнюдь не церковного характера»⁸.

Наконец, сложилась концепция, согласно которой первый русский летописный свод появился примерно в 996 году. Л. В. Черепнин полагал, что он был составлен в Киеве при Десятинной церкви в связи с получением ею десятины от великого князя Владимира⁹. В основе свода могла лежать древняя повесть о полянах-руси, о которой писал Никольский. От Десятинной церкви идет летописная традиция, которая, вероятно, имела продолжение в XI веке. Так, ряд статей за 70—80-е годы XI в. можно связать с автором из этого храма, сочувственно писавшим об Изяславе Ярославиче и его сыне Ярополке, который «десятину дая святей Богородици от всего своего имения по вся лета»¹⁰. А. Г. Кузьмин полагает, что этот автор работал в 80-е годы XI в., и многие записи, обычно приписываемые Никону, могли принадлежать ему. Данный летописный памятник, составленный при Десятинной церкви, — важный этап в складывании ПВЛ. К концу XI в. влияние Десятинной церкви сходило на нет, и усиливается роль Киево-Печерского монастыря в летописном деле¹¹.

Начало новгородского летописания ряд исследователей относит к XI веку. Шахматов первую новгородскую летописную запись датирует 1017 г., летопись —

⁵ Истрин В. М. Начало русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова о древнерусской летописи. — Начала, Пг., 1922, № 2; Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. В кн.: К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. 1. Л. 1930.

⁶ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л. 1947, с. 62—93.

⁷ Тихомиров М. Н. Русское летописание, с. 26—30; его же. Русская культура X—XVIII веков. М. 1963, с. 36.

⁸ Тихомиров М. Н. Русское летописание, с. 46—66.

⁹ Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. В кн.: Исторические записки. Т. 25. 1948, с. 331—333.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. М. 1962, стб. 207.

¹¹ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М. 1977, с. 182—220.

1050 годом. Рыбаков составление последней связывает с инициативой посадника Остромира¹². Срезневский считал возможным появление здесь первых записей еще в X веке¹³.

Итак, при всех разногласиях между специалистами и поправках к схеме Шахматова, она донныне лежит в основе разысканий о летописании. Во всяком случае, его представления о сводах второй половины XI в. остались непоколебленными, несмотря на отдельные поправки и дополнения. Своды Никона и Иоанна, вобравшие в себя накопленный до них материал (в том числе, возможно, из киевских сводов 996 г., 1037—1039 гг., новгородского 1050 г.), вошли с теми или иными изменениями в ПВЛ — свод, наиболее знаменитый из всех и оказавший огромное влияние на развитие летописного дела в последующие столетия. Появилась ПВЛ в беспокойное время. Половецкие набеги и княжеские раздоры разоряли Русь. Призыв летописца к ее защите и прекращению усобиц прозвучал как нельзя более кстати. К концу 90-х годов XI в. состоялось примирение великого князя киевского Святополка Изяславича с Печерским монастырем, и правитель постарался, чтобы летописание отошло от антикняжеской направленности, характерной для свода 1093 года. К концу его правления (1113 г.) и была составлена в Печерском монастыре ПВЛ: «Се Повести временных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть».

Это произведение проникнуто чувством гордости за прошлое Руси, которая, по мысли автора, занимает достойное место среди других государств мира. Слава и величие ее, мудрая политика правителей — предшественников князей, современных летописцу, исконное единство Русской земли — вот идеи, развиваемые в ПВЛ и придающие ей особую величавость, неторопливую торжественность и монументальность в соединении с художественной цельностью, яркостью, спокойным достоинством.

Русская история включается в рамки мировой. Во введении, согласно нормам тогдашней мировой хронографии, рассказывается о библейском «всемирном потопе», разделении Земли между сыновьями Ноя Симом, Хамом, Иафетом. Поскольку к последнему отошли северные (полуночные) и западные страны, о нем и его «владениях» говорится особенно подробно. «От племени Иафета», по средневековым представлениям автора, произошли, среди прочих народов, и славяне. Первоначально они жили по Дунаю, на территории нынешних Болгарии и Венгрии, откуда расселились по разным местам, от имен которых получили свои названия. В частности, тех, которые обосновались на Днепре, стали звать полянами (жили среди полей); северо-западнее — древляне («сели в лесех»); между Припятью и Двиною — дреговичи (дрягва, дрегва — болото); по р. Полоте — полочане; по р. Десне — северяне и т. д. После географического описания русских земель речь идет в ПВЛ о Кие, Щеке и Хориве — основателях Киева; о соседях славян, плативших им дань: веси, муроме, мере, чуди, черемисе, мордве, перми, печоре, еми, литве, зимиголе, корси, наrove, либи.

Датированная часть ПВЛ охватывает события с 852 до 1110 года. Вначале приводятся записи о призвании варягов — братьев Рюрика, Синеуса и Трувора с дружиной. Эта варяжская легенда, послужившая шесть столетий спустя основной «норманнской теории», была одной из вставок, призванной показать независимость Руси от Византии, претендовавшей на роль гегемона в данном регионе. Варяги же большой политической опасности для Руси не представляли. В силу этой антигреческой направленности легенда имела общерусское звучание, означала призыв к независимости. При описании событий, случившихся при Олеге, Игоре и Святославе, автор использует русские летописные данные (летописи, своды, повести, сказания), византийскую хронику Георгия Амартола и его продолжателя, тексты договоров с греками, взятые из великокняжеского архива, и др. На страницы летописи попало немало народных легенд, преданий. Здесь и запись о смерти Олега от укуса

¹² Шахматов А. А. Разыскания, с. 491—515; Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись». — Вопросы истории, 1956, № 10; его же. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М. 1963, с. 193—206.

¹³ Срезневский И. И. Статьи о русских летописях (1853—1866). СПб. 1903, с. 6—7.

змеи, выползшей из черепа его коня; и рассказ о том, как княгиня Ольга сожгла Искоростень (столицу древлян, убивших ее мужа великого князя Игоря) с помощью голубей, к которым привязала горящую паклю. Эти и другие предания, несмотря на то, что не все в них достоверно, украшают летописи. Впоследствии они дали благодатный материал для русских художников и музыкантов, поэтов и писателей XVIII—XIX веков. Достаточно вспомнить «Вещего Олега» Пушкина, поэмы А. К. Толстого, картину «Испытание князем Владимиром силы русского богатыря Яна-Усмаря»¹⁴ Г. И. Угрюмова и др.

Сложным является вопрос об авторе-составителе ПВЛ. В Ипатьевском списке его имя отсутствует, сказано только, что летопись принадлежит «черноризцу Федосьева монастыря». В Хлебниковском сохранилось имя: «Нестера, черноризца Федосьева монастыря Печерьскаго». В Киево-Печерском патерике послание Поликарпа епископу Симону 1232 г. тоже говорит о Несторе, «иже написа летописец». Наконец, В. Н. Татищев сообщает, что имя Нестора читалось в Раскольниковом и Голицыном списках. В то же время в Лаврентьевской летописи под 1110 г. имеется запись о том, что «летописец» составил в 1116 г. Сильвестр, игумен киевского Выдубицкого монастыря. То же читается в Голицыном списке, а также в Никоновской и ряде других летописей. Это противоречие устранимо. Дело в том, что в 1113 г. умер Святополк Изяславич, покровительствовавший Киево-Печерскому монастырю. На престол после народного восстания взошел его враг Владимир Всеволодович Мономах. Попавший в опалу Киево-Печерский монастырь приходит в упадок. Шахматов установил, что первая редакция ПВЛ была составлена при Святополке, т. е. до 1113 г., Мономах же передал ведение летописи в Выдубицкий монастырь, которому покровительствовал. Основал монастырь его отец князь Всеволод Ярославич в 70-е годы XI века. Сильвестр переработал текст первой редакции ПВЛ Нестора в духе, угодном Владимиру Мономаху (возможно, именно на этом этапе в свод вставили легенду о призвании Рюрика, импонирующую новому правящему дому, который был связан брачными узами с правителями Западной Европы); постарались изъять из свода имя Нестора, но не довели это дело до конца.

Перу Нестора принадлежат два других произведения — Чтение о Борисе и Глебе, Житие Феодосия Печерского; их тексты в ряде случаев противоречат ПВЛ. Так, согласно Чтению, князь Борис Владимирович правил во Владимире-Волынском, по ПВЛ — в Ростове. По Чтению, Глеб был с отцом Владимиром в Киеве, а после его смерти и вокняжения Святополка в 1015 г. бежал «на кораблеце» в «полунощные страны», т. е. на север; по ПВЛ, Глеба в Киеве не было, и о смерти отца он не знал. То же можно сказать о соотношении текстов Жития и ПВЛ. По первому, Ярослава Мудрого похоронил сын Изяслав, по второму — Всеволод. По Житию, новый монастырь основан Феодосием в 1062 г., по ПВЛ — Варлаамом (дата отсутствует). Есть расхождения и в описании событий и передаче фактов. Нестор-агиограф (автор Жития) явно стоит на стороне Изяслава Ярославича и его потомков, возвеличивает Феодосия в ущерб Антонию, первому основателю Киево-Печерского монастыря, а также своих учителей Стефана, преемника Феодосия по игуменству, и «Никона Великого». В ПВЛ чувствуются симпатии составителя к дому Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха. Нестор в Житии причисляет себя к ученикам Стефана, летописец в ПВЛ — к ученикам Феодосия.

Правда, не раз высказывались мнения о том, что разногласия в передаче фактов и стиле можно объяснить тем, что ПВЛ составлялась в 10-е годы XII в., а Чтение и Житие — за четверть века до того. Поэтому стиль и манера подачи текста могли у одного и того же автора измениться. Приводились и такие соображения, что в своих ранних произведениях (Чтении и Житии) Нестор выступает как сложившийся мастер и что сами эти сочинения тоже могли быть составлены в начале XII в. (не ранее 1108 г.). Сомнения относительно Нестора как автора ПВЛ высказывали ученые первой половины XIX в. П. М. Строев, В. М. Перевощиков, А. М. Кубарев, П. С. Казанский. Последний, говоря о том, что Чтение и Житие принадлежат одному автору, а ПВЛ — другому, добавлял: «Мы ничего не проигрываем, различая летописца от составителя житий; даже выигрываем, имея другого от-

¹⁴ Усмие — кожа.

личного писателя»¹⁵. Срезневский и Соловьев осторожно склонялись к допущению авторства Сильвестра, а не Нестора. Шахматов вначале отстаивал (правда, не очень последовательно) авторство Нестора, но в конце жизни склонился как будто бы к точке зрения оппонентов.

В советской литературе господствует мнение «раннего» Шахматова, поддержанное и популяризированное Приселковым¹⁶. В последнее время вновь появились сомнения в авторстве Нестора¹⁷. При всех разногласиях упоминание имени печерского «черноризца» Нестора в ряде списков летописей отбросить невозможно, как и тот факт, что составитель ПВЛ в хронологической выкладке, помещенной под 852 г., заявил о своем намерении довести изложение до смерти Святополка, т. е. до 1113 г. (это опять ведет к печерской обители, которая с пиететом относилась к этому князю, своему патрону). Обращает на себя внимание, что имя Нестора сохранили памятники киевской традиции (Хлебниковский список Ипатьевской летописи, Печерский патерик и др.), а имя Сильвестра — памятники северо-восточной традиции (Лаврентьевская летопись и др.), в которых использована ПВЛ не первой, Несторовой, а второй, Сильвесторовой, и третьей, князя Мстислава, редакций.

Вторая редакция ПВЛ была составлена по заданию Владимира Мономаха в киевском Выдубицком монастыре. Сильвестр, надо полагать, опустил из заглавия ПВЛ упоминание о предшественнике: «Нестера, черноризца Федосиева монастыря Печерскаго», а в конце свода, наоборот, не забыл упомянуть о себе: «Игумен Сильвестр святого Михаила написах книги си летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере (Мономахе. — В. Б.), княжашю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила, в 6624, индикта 9 лета. А иже чететь книги сия, то буди ми в молитвах»¹⁸. Сильвестр кое-что вставил в текст Нестора, основательно переработал известия за 90-е годы XI — начало XII в., выдвинув на передний план Владимира Мономаха (описание его борьбы с половцами, его речи; под 1097 г. — повесть попа Василия об ослеплении теребовльского князя Василька, в которой тоже восхваляется Мономах).

Промономаховский характер ПВЛ усиливается еще больше в третьей ее редакции, составление которой в 1118 г. связывается с инициативой Мстислава, сына Владимира Мономаха. Так государственная власть в лице ее высших представителей — великого князя киевского и его наследника непосредственно вмешивалась в составление исторических сочинений, руководила летописным делом. Под воздействием Мономаха и его сына в ПВЛ появляются новые статьи о Всеволоде Ярославиче, их отце и деде, других представителях этого дома, а также знаменитое Поучение Владимира Мономаха. Таким образом, третья редакция продолжила линию второй при переработке и дополнении текста первой редакции. Именно вторая и третья редакции ПВЛ, отдельно или в соединении друг с другом, легли в основу летописания новгородского (здесь княжили сам Мстислав и сын его Всеволод до переворота 1136 г.), Переяславля-Южного (где княжил Мстислав, игуменствовал Сильвестр), киевского (Мстислав в 1125—1132 гг. был великим князем киевским), владимиристо-суздальского (ростово-суздальские, потом владимиристо-суздальские князья Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский и др. владели Переяславлем-Южным, откуда заимствовали вторую и третью редакции ПВЛ), а через него — московского летописания XV—XVI веков.

Во всех этих переделках, главной причиной которых была крайняя заинтересованность высшей власти в соответствующей подаче событий, имя Нестора постарались оттеснить, вычеркнуть и забыть. Но сделать это до конца не удалось: имя и дела его остались, кто-то из его современников или последователей постарался сохранить память о нем и передать потомкам. Конечно, вопрос о соотношении фигур Нестора-летописца и Нестора-агиографа остается: существовал один Нестор или два? Может быть, два. Окончательное решение вопроса, если оно возможно, упирается

¹⁵ Казанский П. Еще вопрос о Несторе. — Временник Московского общества истории и древностей российских, 1849, кн. 1, отд. 1, с. 30.

¹⁶ Приселков М. Д. Нестор летописец. Пг. 1923.

¹⁷ Кузьмин А. Г. Ук. соч., с. 133—155.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. М. 1962, стб. 2; т. 1, стб. 236.

в конечном счете в необходимость новых, еще более тщательных источниковедческих, исторических и прочих исследований.

С XII в., с начала периода феодальной раздробленности на Руси, усиливается роль отдельных княжеств и двух феодальных республик (Новгород Великий и Псков). Они становятся также очагами летописного дела. В одних (Киев, Новгород) это выглядит как продолжение традиций, в других — как начало ведения летописей (Ростов Великий, Суздаль, Владимир, Чернигов, Галич, позднее — Псков, Смоленск, Муром, Рязань, Тверь, Москва, Нижний Новгород и т. д.). Уже в XII в. появляется немало местных летописей, прежде всего семейных и родовых, в которые заботливо заносятся сведения из жизни князей-правителей и их родичей (рождения, браки, смерти, походы и пр.). Так, в Ипатьевскую летопись через Киевский свод 1200 г. (составлен игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем) попали записи из родовых летописцев князя чернигово-северского Игоря Святославича, героя Слова о полку Игореве, киевских князей Изяслава Мстиславича, внука Мономаха, Ростиславичей и др. В некоторых из них делаются попытки выйти из узких семейных рамок, привлечь данные других летописцев и придать «своей» летописи общерусское звучание. В том же летописце Игоря Святославича использованы записи из летописцев его брата и отца, а также киевского князя Святослава Всеволодовича, повесть о походе Игоря Святославича 1185 г. на половцев, летописец Переяславля-Южного (князя Владимира Глебовича, внука Юрия Долгорукого).

Другие жанры, получившие большое распространение, — жизнеописания князей, повести о княжеских преступлениях. В первых из них нередко отсутствуют даты; это повествования, не связанные хронологической канвой. Естественно, они, как правило, прославляют своего героя. Таков, например, летописец Даниила Галицкого, помещенный в начале Галицко-Волынской (записи с 1201 г. и далее до середины XIII в.) и тем самым в Ипатьевской летописи¹⁹. Князь, который, по словам автора, был «дерз и храбр, от главы и до ногу его не бе на немь порока», сравнивается по славе и деяниям со Святославом Храбрым и Владимиром Святым. Обличаются его враги — бояре. Сильная княжеская власть — его политический идеал. Жизнь Александра Невского, написанное под влиянием летописца Даниила Галицкого, также принадлежит к этому жанру. К составлению обоих памятников имеет отношение митрополит Кирилл, который служил сначала у Даниила «печатником», т. е. канцлером, потом с его согласия переехал к Александру Ярославичу²⁰.

Повести о преступлениях князей, их убийствах были тесно связаны с политической борьбой, которая приняла широкий размах в обстановке феодальных усобиц. Правда, и до того имели место случаи подобного рода, например, убийство Святополком Окаянным, сыном Владимира I Святославича, своих братьев Бориса и Глеба в начале XI в. или ослепление Василька Тербовльского Святополком Изяславичем в конце того же столетия. По этому поводу были составлены летописное сказание и летописная повесть. Однако именно с началом феодальной раздробленности многочисленные взаимные нападения и расправы привели к появлению большого числа повестей подобного рода. Уже повесть об ослеплении Василька отразила особенности этого жанра. Составлена она была в связи с событиями примечательными. Русь в конце XI в. терзали половецкие нашествия и княжеские усобицы. В 1097 г. Владимир Мономах созвал съезд князей в Любече. «Каждо да держит отчину свою», — договорились князья, обещавшие друг другу не трогать чужих владений; если же кто из князей нарушит уговор, то всем выступить против нарушителя. Закончился Любечский съезд, князья разъехались по своим отчинам, и тут же пришло известие: Давид Игоревич, князь владимирово-волынский, и Святополк Изяславич, князь киевский, обманом завлекли к себе на именины Василька и ослепили его. Все это видел и описал поп Василий из Выдубицкого монастыря, исполнявший дипломатическое поручение Владимира Мономаха.

Повесть рассказывает: Василька во время пира постарались оставить одного, схватили, положили на телегу и привезли в Белгород. Здесь закрыли в «истобку

¹⁹ Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. В кн.: Исторические записки. Т. 12. М. 1941.

²⁰ Лихачев Д. С. Ук. соч., с. 247—267.

малу» (небольшую избу). Поняв, что ему грозит, князь кричит и плачет. Вошли конюхи. На посланный тут же ковер они пытаются повалить Василька. Но тот отбивается изо всех сил. На крик палачей прибежала подмога, князя связали, повалили на пол. На грудь положили снятую с печи доску, сели на ее концы. Но несчастный вырвался. На него положили вторую доску, снова придавили, «яко персем троскотати» (загрещала грудная клетка!). Все это время овчар Святополка точил нож. Потом подошел и ударил, но попал не в глаз, в который нацелился, а в щеку, порезал лицо; «и есть рана та Василке и ныне». «По семь же уверте ему ножь в зеницю, изя зеницю; по семь в другое око уверте ножь, изя другую зеницю». Окровавленного, еле живого князя привезли во Владимир-Волынский. По пути, в Воздвиженке, где остановились на обед, палачи отдали местной попадье постирать окровавленную княжескую сорочку, и та трогательно оплакивает Василька, полагая, что он убит. Владимир Мономах, получив известие об этом «зле», пришел в ужас: «Сего не бывало есть в Руськей земле ни при дедех наших, ни при отцех наших, сякого зла!»²¹. Собрав других князей, он выступил против Святополка, и клятвопреступник был разгромлен на поле брани.

Другие повести тоже наполнены живыми подробностями. Писали их, как правило, очевидцы, нередко исполнявшие те или иные поручения патронов и по их же указанию разоблачавшие преступников. В Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, куда попала повесть о половецком князе Василии, можно прочесть под 1147 г. выдержки из рассказов об убийстве в Киеве Игоря Ольговича, дяди героя Слова о полку Игореве. Они дают представление о трех повестях, содержащих три версии события: черниговскую (версия местных Ольговичей: Игорь — святой мученик, жертва киевского князя Изяслава), переяславскую (примирительная версия: стремление оправдать Изяслава) и киевскую (обвинение во всем черниговских Ольговичей, которые хотели расправиться с Изяславом). Под 1152 г. помещена в Ипатьевской летописи повесть о клятвопреступлениях и смерти Владимирка, князя галицкого. Написана она, вероятно, Петром Бориславичем, боярином великого князя киевского Изяслава Мстиславича, внука Мономаха. Этому боярину принадлежит, по-видимому, вся летопись Изяслава Мстиславича. По мнению Рыбакова, Петр Бориславич является и автором Слова о полку Игореве. Повесть о Владимирке — своего рода отчет боярина о поездке в Галич по поручению Изяслава. Под 1175 г. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях читается в отрывках повесть об убийстве Андрея Боголюбского, составленная очевидцем события Кузьмищем Киянином. Подобные повести помещали в летописи вплоть до XV в. (так, под 1425 г. в Московском своде 1472 г. имеется повесть об ослеплении Василия II Васильевича, великого князя московского, его политическими противниками — Дмитрием Юрьевичем, сыном князя звенигородско-галицкого, и Иваном Андреевичем, князем можайским).

Жизнеописания и повести попадали в летописные своды, которые появлялись в разных концах Руси. Уже упоминался Киевский свод 1200 г., имеющий в своем составе ПВЛ и ряд летописцев XII в. и сам включенный в южнорусский свод конца XIII в. вместе с Галицко-Волынской летописью того же столетия, состоящей из ряда летописцев, повестей и др. В Новгороде при князе Всеволоде Мстиславиче (1118—1136 гг.) ПВЛ третьей редакции соединяют с предшествующим новгородским летописным материалом. Восстание 1136 г. закончилось изгнанием Всеволода, и составленный при нем свод значительно переделывают при епископе Нифонте, который, как и его преемники, по существу, возглавляет новгородское правительство. По его поручению эту работу проводит Кирик из Антониева монастыря, автор известных канонических «Вопрошаний». Он-то и заменил в своде Всеволода промонашью ПВЛ текстом оппозиционного к княжеской власти Начального свода 1093 г., отразившегося в НПЛ старшего и младшего изводов. Этот Начальный свод включил, со слов новгородца Вышаты, записи о ряде событий из жизни Новгорода Великого. Его упреки в адрес князей («несытство», притеснения людей вирами, продажами и др.) звучали актуально в 1136 г. и позднее, когда новгородцы, установив порядки феодальной республики, приглашали князей только для военных дел и смежали их по своему усмотрению.

²¹ ПСРЛ. Т. 1, стб. 262; т. 2, стб. 236.

Название Начального свода — Русский временник (Временник Русской земли), данное ему в Киево-Печерском монастыре, по указанию, вероятно, Нифонта, бывшего постриженника этой обители, заменили на Софийский временник, поскольку переработка производилась при владычном храме — новгородском Софийском соборе. Поп уличанской церкви св. Якова Герман Воята составил другой летописный свод, который основан на Софийском временнике, дополненном собственными записями. В новгородском летописании XII в. и более позднего времени тоже присутствует стремление не ограничиваться включением только местного материала, а привлекать данные иных летописей и сводов. В еще большей степени характерно это для владими́ро-суздальского летописания. После Киева усилиями северо-восточных князей на роль объединителя Руси постепенно выдвигается город Владимир, и это сказывается на ходе летописного дела. Появляются своды 1177, 1193, 1212, 1219, 1228, 1239, 1263, 1281 гг. и другие, вплоть до свода 1305 г., составленные или переработанные во Владимире, Ростове Великом, Переяславле-Залесском, Твери. Их авторы и редакторы старались держать в поле зрения события во всех русских землях, привлекая с этой целью своды из других областей. В частности, были использованы своды Переяславля-Южного, включившие ПВЛ второй и третьей редакций. Владимирские своды проводили мысль о Владимире как преемнике Киева и новом центре Руси. Впоследствии ее переняли и переиначили на свой лад московские летописцы XIV—XV веков.

Огромный ущерб летописанию нанесло батыево нашествие 1237—1242 годов. Погибли многие из составителей летописей и заказчиков-князей, большое число летописей. Работа по ведению записей в ряде мест или совсем прекратилась, или еле теплилась. Те чувства растерянности, «недоумения в людех», о которых пишут оставшиеся в живых летописцы, рассказывающие о пожарах и погромах того времени, коснулись и летописания. Кругозор его заметно сузился. Во Владимире летопись не ведется, забота об этом переходит к Ростову, который не был так разорен, как стольный град Северо-Восточной Руси. Тем не менее нити летописания не прерываются. Их прядут непрерывно, хотя и не с таким размахом и искусством, как ранее. Постепенно летописание снова обретает силы и в XIV в. дает новые побег. Заметно увеличивается в объеме т. н. областное летописание, в ряде мест делаются заявки общерусского характера. Первенство по всем линиям завоевывает Москва.

Первые московские своды, как считают исследователи (Ю. А. Лимонов и др.), появляются в правление Ивана Калиты и его преемников. Эпоха собирания земель вокруг Москвы и борьбы с Ордой дала обильные всходы и в области культуры. Наряду с составлением в конце XIV и начале XV столетия ряда повестей и сказаний о Куликовской битве, активным каменным строительством, появлением творений Андрея Рублева и других художников, общерусский свод (конец 80-х — начало 90-х годов XIV в., Москва), к сожалению, не сохранившийся, отразил политические успехи Дмитрия Ивановича, великого князя московско-владимирского, радость победы над врагом Руси на поле Куликовом. Четкое указание на существование этого свода имеется в Троицкой летописи под 1392 годом. Летописец упрекает новгородцев за то, что они непокорны великим князьям: «Беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставны... Кого от князь не прогневаша или кто от князь угоди им? Аще и великий Александр Ярославич (Невский.— В. Б.) не уноровил им!». В связи с этим он ссылается на московскую летопись: «И аще хочещи распытовати, разгни книгу «Летописец великий русьский» и прочти от великого Ярослава и до сего князя нынешнего»²².

Здесь имеется в виду Московский свод с записями о событиях со времен Ярослава Мудрого до Василия I, сына Дмитрия Донского, включавший ПВЛ. В Москву свозят летописи из других центров, а московские летописцы включают их в свои труды, приобретающие характер общерусских сводов. Они составляются при дворах митрополита и великого князя, и эти два центра существуют и работают в течение XV—XVII веков.

²² Присёлчов М. Д. Троицкая летопись. М.-Л. 1950, с. 439.

Указанные черты присущи своду 1409 г., составленному при митрополите Киприане. В нем использованы «Летописец великий русский», летописи новгородская, тверская, рязанская, смоленская, нижегородская и, возможно, другие. Собирали их по указанию главного иерарха в подчиненных ему монастырях и церквях, а их данные подвергли в своде лишь небольшой переделке. Главная идея нового труда — единство русских земель. В качестве образца выступает ПВЛ. В повести о нашествии Едигея, заключающей Киприанов свод, ордынцы сравниваются с половцами. Ее автор сетует на то, что русские князья не ладят между собой, приглашают себе в помощь иноземцев, а те, высмотрев русский «наряд», потом на нас нападают. Он же осуждает великого князя Василия I, который, когда Едигей приблизился к Москве, оставил ее. Автор повести 1409 г. в связи с этим грустно и с обидой цитирует библейский псалом: «Добро есть уповати на господа, нежели уповати на князя». По примеру «начального летописца киевского», «великого Селивестра Выдубыжскаго» (т. е. Выдубицкого, составителя второй редакции ПВЛ) он поучает князей-«властодержцев», призывает их слушать старых и мудрых советников, «ибо красота граду есть старчество»²³.

Идея свода 1409 г. развил более обширный свод митрополита Фотия, составленный примерно в 1418 г. и отразившийся в общерусских известиях Новгородской четвертой и Софийской первой летописей. Стремясь к большей объективности, в него включили значительное количество летописного и внелетописного материала. Антикняжеские выпады Киприанова свода здесь отсутствуют, как и едкие замечания в адрес новгородцев, тверичей, суздальцев, выступавших соперниками Москвы в борьбе за политическое первенство. Этот свод неоднократно использовали при составлении последующих общерусских сводов. В Новгороде Великом при епископе Евфимии II появились три крупных свода и около десяти небольших. В них использовалось московское общерусское летописание, особенно свод Фотия. Таким образом, новгородское летописание, хотя и было оппозиционным по отношению к Москве, носило общерусский характер. То же можно сказать о тверском летописании XIV—XV веков. Общерусские идеи проводят своды, составленные в то же время в Нижнем Новгороде, Пскове, Смоленске. Все они в той или иной степени опирались на московское летописание, которое первым вышло на общерусские рубежи.

Интенсивная летописная работа, которая велась в XV в. в разных центрах, дополняется составлением первого Русского хронографа. Хронографы (обзоры всемирной истории, как ее понимали средневековые авторы) появились на Руси едва ли не со времени составления первых летописных сводов. Это были переводные византийские сочинения Георгия Амартола и других авторов. Извлечения из трудов нескольких хронистов, названные Хронографом по великому изложению, можно встретить в сводах XI — начала XII века. Разные компиляции из византийских хронографов появляются на Руси и позднее. Согласно Шахматову, Русский хронограф в 1442 г. был составлен приезжавшим сербом Пахомием Логофетом, использовавшим при работе над ним т. н. Еллинский летописец (XIV в., составлен на Руси), сербские жития, русские летописи и повести. В его труде русская история включена в рамки мировой. Хронограф получил большое распространение и в России, и в Сербии, где последующая хронография опирается на этот источник. Впрочем, выводы Шахматова и его сторонников относительно времени составления первого Русского хронографа в последнее время подвергаются сомнению. Специалисты высказывают предположение, что он появился в конце XV в. или начале XVI века²⁴.

XV столетие — время важнейших событий в мировой и отечественной истории. Русь к 80-м годам сбрасывает иго Орды и объединяется вокруг Москвы. Падение Византии (1453 г.), преследование христианства правителями Османской империи, захват ими балканских стран выдвигают Россию на позиции защитника православия. Москва претендует на роль «третьего Рима» — столицы мирового значения. Все это находит отражение в литературе, в исторической мысли. Появляются один за другим большие летописные своды. Свод 1472 и 1479 гг. подробно

²³ ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Пг. 1922, стб. 185.

²⁴ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л. 1975, с. 32 сл.; Клосс Б. М. О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ. Т. XXVI. Л. 1971.

описали новгородские походы Ивана III, приведшие к расширению пределов Русского государства. Летописные труды 80—90-х годов XV в. и начала следующего столетия воспевают успехи Москвы и ее общерусские усилия. Патриотизм, гордость за славное прошлое Руси, возвеличение Москвы — преемницы Киева и Владимира, ее правителей-самодержцев пронизывают эти своды от начала до конца.

Светская и церковная власть по-прежнему придавала летописям немалое значение. Иван III, отправляясь из Москвы в новгородский поход 1471 г., приказал взять с собой старые летописи, которые свидетельствовали о неправильных действиях и поступках новгородцев в прошлом. Великокняжеский дьяк вез эти обличительные, с точки зрения Москвы, документы в войсковом обозе. В летописи стали включать не только повести и другие историко-литературные сочинения, но и делопроизводственные документы из архивов (грамоты, выдержки из посольских книг, статейных списков, разрядов и др.), а это вело к увеличению объема сводов. Таковы летописи первой половины XVI в. — Вологодско-Пермская, Никоновская, Воскресенская, «Летописец начала царства царя Ивана Васильевича» и др. Вероятно, в 70-е годы XVI в. на основе Никоновской летописи составляется грандиозный Лицевой свод, в котором изложение дополняется 16 тыс. красочных миниатюр. В своей совокупности они представляют своего рода «окно» в мир далекого прошлого с его людьми, их поступками, мыслями и стремлениями. Расширение масштабов летописания, его насыщение материалами делопроизводства отвечало потребностям растущего единого централизованного Русского государства, быстро расширявшего свои пределы. Свод, выполняя важные идеологические функции, обосновывали необходимость сильной самодержавной власти великих князей и царей.

Наряду с собственно летописной формой все большее распространение получают сочинения, в которых доминируют повествовательная литературная сторона, эмоциональная манера изложения, морализирование. Эти приемы развиваются в хронографах и повестях. В середине XVI в. по инициативе митрополита Макария составляют Степенную книгу царского родословия. В ней погодное изложение событий заменяется повествованием о правлениях русских великих князей, начиная с Рюрика. Каждое правление составляет «степень»; последняя, 17-я, отведена царю Ивану IV. Сочинение пронизано апологетикой самодержавия. Какой-то дворянин (имя его осталось неизвестным), долгое время томившийся в казанском плену, после своего освобождения в 1552 г. написал «Казанскую историю», которую неточно называют «Казанским летописцем». Автор подробно рассказал о прошлом Казанского ханства и его падении под ударами русского воинства. Самодержавное правление для него — идеал политического устройства.

Последняя треть XVI и XVII столетие нередко характеризуются в литературе как время угасания русского летописания, на смену которому приходят повести, другие исторические сочинения и приказная документация. Это не совсем так. Конечно, значение летописей снижается. Тем не менее их продолжают вести не только в Новгороде и Пскове, но и в Москве. Летописный свод, отразившийся в некоторых компиляциях XVII в. и «Истории Российской» Татищева, составил Иосиф, келейник патриарха Иова. При Михаиле Романове и его отце патриархе Филарете изготовили «Новый летописец», обосновывавший их династические права и ярко описавший события времени Ивана Грозного, его сына Федора, Бориса Годунова, Смуту и воцарение Михаила. Свод 1652 г. появляется при патриархе Никоне. В 1686 г. в связи с заключением «вечного мира» с Польшей изготовляют летопись с прославлением роли В. В. Голицына в переговорах и подписании русско-польского договора.

Летописи составляют в разных городах и местах — царских и патриарших канцеляриях, при дворах митрополитов и епископов, в церквях и монастырях. Их авторы выходят не только из монахов и дьяков правительственных канцелярий; это средние и мелкие дворяне (например, Б. Ф. Болтин — автор «Болтинского хронографа», Яновы и др.), мелкие приказные люди, церковнослужители типа дьячка с далекой Ваги, оставившего записи о Московском восстании 1682 г. — «Хованщине», представители городского «третьего сословия» (например, автор одной из псковских повестей, описавший, как показал Тихомиров, с позиций посадского люда события начала XVII в. в родном городе).

Продолжали составлять и переписывать хронографы (они сохранились в сотнях списков). В России и на Украине работают в те годы над обширными летописно-хронографическими компиляциями, пока мало изученными. Появляется новая ветвь летописания — урало-сибирская, которая воспела подвиги Ермака и его дружины, освоение русскими людьми великих пространств Сибири. Она, как и белорусско-литовская, которая началась задолго до нее (в XVI в., может быть и ранее), продолжается в XVIII веке. В большом количестве составляются малые летописцы, повести и сказания, которые порой перерастают летописные рамки и превращаются в своего рода исторические труды (например, «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева). Власти по-прежнему направляли летописное дело. По указу царя Алексея Михайловича, в 1657 г. образовали специальный Записной приказ с тем, чтобы сочинить «степени и грани» русской истории со времени Федора Ивановича, т. е. продолжить «Степенную книгу», которая заканчивалась правлением Ивана Грозного. Для этого дьяки Кудрявцев и затем Кунаков собрали большой материал, но исполнить задуманное не сумели. По инициативе Петра I, в конце XVII и начале следующего века было составлено несколько «историй», однако они не удовлетворили ни его самого, ни других.

На рубеже XVII—XVIII столетий на смену летописям пришли труды иного типа — «Синюпис» И. Гизеля, «Скифская история» А. И. Лызлова, «Ядро российской истории» А. И. Манкиева, «Гистория Свейской войны», в работе над которой принимал участие первый российский император. Летописание постепенно уступает место исторической науке и историкам-профессионалам Татищеву и Миллеру, Щербатову и Болтину, их последователям и продолжателям. Внимательно изучают они источники, в том числе и летописи, чтобы познать деяния предков, прошлое отечества.

Русское летописание — неотъемлемая и важнейшая составная часть отечественной истории, национального бытия, духовной жизни русского народа. Многие столетия истории Руси и России оно осуществляло государственные функции «службы памяти», фиксировало все то, что было важным с точки зрения авторов, составителей и их заказчиков. Являясь памятником феодальной идеологии и культуры, отражая интересы господствующего класса, оно в то же время выступало и с общенациональных, патриотических позиций защиты Русской земли от внешних нападений и внутренних политических неурядиц. Написанные во многих случаях живым народным языком, сочным, ярким и самобытным, впитавшие в себя немало легенд и преданий, героических повестей и сказаний, летописи являются величайшими памятниками нашего национального прошлого.
